

Цыганская Кеcтнэ

От
«Ляра»
до

Парижа

ДЕКОМ

РУССКИЕ ШАНСОНЬЕ

+ CD — в подарок!

Русские шансонье

Коллектив авторов

**Цыганская песня:
от «Яра» до Парижа**

«Деком»

2016

Коллектив авторов

Цыганская песня: от «Яра» до Парижа / Коллектив авторов — «Деком», 2016 — (Русские шансонье)

ISBN 978-5-89533-356-3

Из новой книги серии «Русские шансонье» вы узнаете о первом цыганском хоре графа Орлова; о дружбе с кочевым племенем Пушкина и Толстого; об истории создания знаменитой «Цыганочки»; о нравах цыганских хоров старого Петербурга; о любви чернооких красавиц и великих князей. В годы нэпа роскошный зал «Яра» сменится на дымный зал кабачка «Арбатский подвал», где юная Ляля Черная танцует для Есенина «Венгерку» и поет «Две гитары». Кончится вольница, запретят цыганщину, но откроется в Москве первый в мире цыганский театр «Ромэн» и зажгутся новые звезды. А в Париже со сцен русских кабаре для бывших дворян и белогвардейцев, как прежде, будут петь «Очи черные» бежавшие от большевиков цыгане Димитриевичи, Поляковы, Массальские... Пройдут годы, и в парижской «Олимпии» под гром оваций выступит «главный цыган Советского Союза» Николай Сличенко, которого благодарная публика на руках пронесет до Триумфальной арки... А полвека спустя гитары Kolpakov Trio будут звучать на одной сцене с самой Мадонной, очарованной искусством русских цыган.

«Дорогой длиною» пролетит наша кибитка по двухсотлетней истории цыганской песни, по миру отчаянной удали, горькой печали и роковой любви. Компакт-диск прилагается только к печатному изданию.

ISBN 978-5-89533-356-3

© Коллектив авторов, 2016

© Деком, 2016

Содержание

Предисловие	7
От составителя	10
Часть I	12
Хор графа Алехана	12
Русская Каталани[2]	16
Цыганская примадонна	18
Пушкин и цыгане	20
«В табор! К цыганам! Гони!..»	22
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Цыганская песня: от «Яра» до Парижа

Автор-составитель Максим Кравчинский

Эта книга посвящается недавним и грядущим юбилеям выдающихся мастеров русской и цыганской культуры:

60-летию со дня рождения Алексея Дулькевича

70-летию со дня рождения Петра Деметра, Александра Колпакова, Николая Эрденко

80-летию со дня рождения Николая Сличенко

90-летию со дня рождения Николая Жемчужного

100-летию со дня рождения Алеши Димитриевича

Предисловие

Я не социолог и не исследователь, но, думаю, не ошибусь, назвав одну главную, на мой взгляд, причину огромного внимания к цыганскому искусству: наша песня вобрала в себя вековую тоску и гордую непокорность, самозабвенную жажду раздолья и всепобеждающую радость вольного бытия. Они пробились через века, через расстояния, через скитания по всему миру, сохранив свое своеобразие, неповторимость.

Помните, Федя Протасов в «Живом трупe», слушая цыганское пение, говорит: «Это степь, это десятый век, это не свобода, а воля...» То есть сама природа, стихия! А какая здесь любовь!

Загадка неослабевающего интереса к цыганскому искусству таится, на мой взгляд, и в его глубокой связи с русским народным творчеством. Поэтому оно так близко и понятно людям. Цыганская песня – такая, какой мы ее знаем, – выросла на русском фольклоре, на широте, напевности, мудрости русской народной песни. Я имею в виду, конечно, творчество цыган, поселившихся на территории России. Оно абсолютно самобытно, поскольку родилось от союза с русским народным творчеством.

Народный артист СССР Н. А. Сличенко

Надо сказать, что, начиная с первого цыганского хора, возникшего в конце XVIII века, цыгане пели очень часто русские народные песни. В их исполнении эти песни зажили своей, «цыганской» жизнью. Старые Москва, Петербург полюбили их за искренность, задушевность и неуловимость интонаций, присущих цыганским исполнителям.

Русские поэты XIX века, очарованные песнями и плясками цыган, стали посвящать им свои стихи, а цыгане – петь песни и романсы на слова русских поэтов: Державина, Дмитриева, Пушкина, Лермонтова, Апухтина, Кольцова, Фета, Григорьева... Многие из этих песен, романсов сохранились до нашего времени. Наверное, все хоть раз в жизни слышали «В час роковой» или «Очи черные», где соединилось все – тоска, страстность, азарт... Основа цыганских романсов – это всегда высокая русская поэзия. Но главное, конечно, душевность. Умение открыто выражать страдание и сострадание, понимать боль другого. Русские песни переосмысливались и становились своими, цыганскими, именно потому, что в них вкладывались своя философия, свое понимание жизни, мировосприятие.

Поразительно, но нас, русских цыган, принимали всегда и везде более восторженно, чем других. Зрители впадали в какое-то неистовство, причем в странах, где люди отличаются сдержанностью. Нас предупреждали, например, перед гастролями в Японии: народ сдержанный, не ждите непосредственных реакций. А этот закрытый народ после концертов кричал по полчаса, занавес не давали закрыть...

Судьба, выпавшая на долю цыганского народа, не могла не отразиться в его искусстве, в песне, где почти нет середины: от чрезмерно грустной до неудержимо веселой, от песни-плача до озорной, и тоже до конца, до полной раскрепощенности, до обнаженного проявления восторга, радости. Если радость, то до предела, до ликования, если грусть, то горькое отчаяние, до стога.

Уж таков национальный темперамент нашей песни, что чувства в ней предельно накалены.

...Цыганские романсы просты и мелодичны. Вот, кажется, и пой их себе на здоровье без всякого сомнения и не прикладывая к тому особого труда. Но так только кажется. На самом же деле здесь нужны самые высокие мерки, самые жесткие требования к исполнителю, не то легко скатиться до худших образцов цыганщины. Как же осторожно надо подходить к народному искусству, как бережно надо обращаться с народными традициями, создававшимися веками, чтобы донести его сегодня до зрителей. Утратив народное начало в своем искусстве, оторвавшись от корней, оно перестанет быть искусством именно этого народа.

Цыганская песня складывалась под влиянием особых условий жизни народа, кочевой жизни, полной трудностей и опасностей. Но сегодня, когда жизнь цыган коренным образом изменилась, цыганская песня, сохраняя свои лучшие народные черты, традиции, отражает и новые качества, близкие уже сегодняшнему времени. Это взаимообогащение песенных культур не может не осуществляться, оно продолжается. И идет, с одной стороны, по пути дальнейшего освоения народного творчества, с другой – сближения с современной песней. В этой неразрывной связи традиций и современности видится успешное развитие национального цыганского песенного искусства. В этом единстве залог того, что оно не исчезнет и не растворится в другой песне, развиваясь, обретая черты современности, сохранит и свое своеобразие, свою неповторимость.

Огромная ответственность в сохранении народного искусства, его национального своеобразия лежит на театре «Ромэн», потому что, даже несмотря на колоссальные перемены последних десятилетий, он по-прежнему концентрирует в себе многое, что несет в себе веками народ, потому что на него смотрят как на носителя лучшего, ценного в искусстве цыган и, наконец, потому что он во многом определяет пути развития этого искусства, его перспективу.

Выход книги об истории цыганского пения особенно важен сегодня, в эпоху мировой глобализации, когда многие национальные культуры рискуют потерей своей самобытности. Рассказ о богатейших традициях русских цыган, о выдающихся мастерах песенного жанра, об их полных драматических сюжетах судьбах, несомненно, будет способствовать возрождению интереса к теме.

*Художественный руководитель театра «Ромэн»
народный артист СССР Н. А. Сличенко*

От составителя

Как автор-составитель не могу не сказать несколько слов о том, как появилось предисловие Николая Сличенко.

Когда начиналась работа над книгой, автор идеи ее создания и главный редактор издательства ДЕКОМ Я. И. Гройсман сразу дал установку: «Можете писать о каких угодно артистах, но если в книге не будет Николая Сличенко, я ее в печать никогда не подпишу...»

Пожелание, конечно, было разумным. Но, признаться, звонить и общаться с Николаем Алексеевичем я немного робел.

С детских лет я помнил его выступления в каждом мало-мальски значимом концерте, будь то День милиции или новогодний «Голубой огонек». Помнил рассказ мамы о том, как в 1965 году она с подругами прорвалась на концерт Сличенко, проходивший в ее родном Воронеже... на стадионе. Ни один самый большой зал города не мог вместить всех желающих.

«Он был очень красиво причесан, волосы уложены волной... А одет в такой светло-песочный костюм, который очень ему шел. После концерта, представь себе, девчонки выбежали на поле и кинулись к нему... Я думала, порвут на клочки, но он сел в “Волгу” и дверь закрыл, так они на руках пронесли машину со стадиона до улицы. Сличенко по всему Союзу гремел!»

А еще вспомнилось, как друг нашей семьи, известный ученый-физик дядя Виталик, почитавшийся мною в школьном возрасте за небожителя, потому что ездил на «Ситроене» и всегда привозил мне жвачку из зарубежных командировок, каждый раз, бывая у нас в гостях, захлеб рассказывал одну и ту же историю о том, как ему посчастливилось, выйдя из квартиры коллеги в сталинской высотке, застрять в лифте с самим Сличенко и провести наедине с народным артистом полтора часа. «Он мне потом открытку подписал», – хвастался академик.

Немудрено, что, когда возникла необходимость набрать номер и попросить к телефону Николая Алексеевича, я занервничал.

Впрочем, напрасно. Внимательно выслушав сбивчивое объяснение о работе над книгой и просьбу об интервью, народный артист ответил согласием, но посоветовал перед встречей ознакомиться с содержанием буклета, выпущенного к его 75-летию. «Приезжайте завтра в “Ромэн”, пакет будет ждать вас на вахте».

Открывая тяжелую дверь, я, честно говоря, допускал мысль, что обо мне забыли. Но охранник сразу же протянул мне аккуратно упакованный сверток. Не удержавшись, вскрыл его прямо на улице и обалдел от увиденного: огромный, альбомного формата, сверкающий гляncем том, с обложки которого смотрел на меня сидящий за роялем Сличенко.

Мелькнула мысль: «Жаль, что с такой красотой придется расстаться». Из разговора я почему-то понял, что содержание надо будет изучить, а материалы вернуть. Оказалось – напрасно, потому что на форзаце я обнаружил теплую подпись Николая Алексеевича.

Так напутствие главного редактора было наполовину выполнено.

Но главным делом было все-таки пообщаться с человеком-легендой.

Месяц спустя, вклинившись в плотнейший график художественного руководителя театра «Ромэн», я преуспел и в этом.

Улыбчивый, молодежавый, такой, каким помнил его с детства, предстал передо мной народный артист СССР и, выслушав, любезно согласился написать несколько страниц для предисловия к книге об истории цыганской песни.

Спасибо Вам большое, дорогой Николай Алексеевич!

А теперь несколько слов о структуре книги.

Повествование разбито на пять частей. Первая посвящена «золотому веку» цыганской песни – историческому периоду с конца XVIII до начала XX века. Вторая – цыганской песне

в годы нэпа, времени борьбы с пресловутой цыганщиной. Третья – артистам, которые отправились после революции в эмиграцию петь в парижских кабаре. Четвертая – возникновению театра «Ромэн». Пятая заключительная – посвящена новым звездам цыганской песни.

Несмотря на хронологически и тематически выстроенную конструкцию, книга ни в коей мере не претендует на полное отражение огромного и многогранного явления по имени «цыганская музыка» или даже только «цыганская песня». Думаю, что для ее реального масштабного отображения понадобится сто томов. Отдельно – о танце, песне, цыганской скрипке, гитаре... О никем и никогда не разгаданной тайне «цыганской ноты»... Не говоря уже об огромном количестве невероятно одаренных, талантливых артистов разных времен и стран.

Наша книга посвящена в основном историям жизни и творчества знаменитых российских *цыганских* исполнителей XIX–XX вв.

Для установления хоть каких-то рамок пришлось разграничить артистов, исполнявших «цыганские романсы», на тех, кто имел отношение к «кочевому племени», и тех, в ком цыганской крови не было: иначе я просто рисковал утонуть в океане имен. Поэтому вы найдете здесь лишь краткое упоминание о «белых цыганках» И. Юрьевой, Н. Дулькевич, Т. Церетели, Р. Терьян...

Подробный разговор о них отложен мною для будущей книги.

Не удалось уместить в одну книгу и подробный рассказ о выдающихся инструменталистах, прежде всего гитаристах и скрипачах, но ряд имен все-таки нашел свое отражение на этих страницах.

Понимаю, что мне удалось запечатлеть лишь немногих из достойных артистов, но все же надеюсь, что книга выполнит свою задачу – всколыхнуть у широкого круга читателей интерес к цыганской культуре.

Как всегда, читателю предлагается большое количество уникальных фотографий, многие из которых были предоставлены потомками знаменитых артистических династий Москвы, Петербурга и Парижа.

И, конечно, главным дополнением книги стал компакт-диск с известными и новыми песнями в исполнении любимых артистов.

Редактор серии «Русские шансонье», автор-составитель М. Э. Кравчинский

Часть I Цыганомания

Хор графа Алехана

«Едва ли есть русский, который бы мог равнодушно слышать цыган», – написал полтора столетия назад известный собиратель фольклора И. В. Киреевский.

С этим трудно поспорить. Цыганское искусство, как никакое другое, созвучно именно нашему характеру. В «старушке» Европе цыгане никогда не были особенно популярны. Исключение составляют лишь балканские страны. В России же во времена оные бытовала даже шуточная присказка: «Русский человек умирает два раза: за родину и когда слушает цыган».

О происхождении цыганского народа этнографы спорят не одну сотню лет. Сегодня большинство ученых полагают, что родина кочевого племени – Индия. В пользу этой версии говорит тот факт, что в языке хинди (на котором говорит большинство индусов) и цыганских диалектах немало общих слов.

В России «рома» (как называют себя сами кочевники) появились в эпоху Петра I. По крайней мере, имеются исторические свидетельства об участии «певчих цыган» в монарших увеселениях. В 1733 году Анна Иоанновна разрешила цыганам селиться в окрестностях Петербурга.

Городские цыгане. Старинная гравюра

Считается, что моду на цыган ввели фавориты Екатерины Великой братья Григорий и Алексей Орловы. *«Выходом из табора “русские” цыганские пляски всецело обязаны графам Орловым, которые, по преданию, в 1740 году при постройке Ледяного дома выписывали попарно из каждой губернии «поющих, красивых, пляшущих»... Из Алексинского уезда Тульской губернии было выписано несколько пар цыган, которые по окончании церемонии и торжественных процессий обосновались за Нарвской заставой, где своими веселыми налетами в*

кабачки (в которых кутила и играла в карты аристократия того времени) создавали веселое настроение, – за что обычно получали “на водку”.

Позже цыган стали приглашать на ассамблеи в знатные дома, где появляться в ободренных таборных костюмах было уже неудобно. Тут на помощь пришли опять те же братья Орловы – они изобрели специальные костюмы для цыган, которые как псевдонациональные сохранились до сих пор: мужчины стали носить казакины ярких тонов, женщины, кроме национальных юбок и кофт, начали надевать монисты, шали и всевозможные побрякушки. Если теперь таборная цыганка тратит на свою юбку не менее 10 метров материала, то такой расточительностью она всецело обязана традициям прошлого...» — утверждал музыкальный критик Р. Блюменау¹.

Законодатель моды на цыганское пение граф Алексей Орлов

Известный краевед М. И. Пыляев в книге «Старая Москва» сообщал: «Чесменский герой, граф Орлов... слышал в Молдавии капеллы лаутаров (кочевых цыган). Выйдя в отставку в

¹ Р. Блюменау, журнал «Цирк и эстрада», 1927 год.

1774 году и поселившись в Москве, он выписал из Молдавии одну из подобных капелл, главою которой был цыган Иван Трофимович Соколов. Цыган поселили в имении графа и записали крепостными деревни Пушкино, что в тридцати километрах от Москвы по Ярославской дороге». Долгое время озвученная Пыляевым и многократно повторенная другими исследователями байка о покупке «графом Алеханом» бессарабских хористов кочевала по книжным страницам. Однако не так давно историк Николай Бессонов поставил сей факт под сомнение. Дескать, русские имена и фамилии хористов никак не вяжутся с их молдавским происхождением. Исследователь выдвинул версию, согласно которой труппу Орлова составляли представители сложившейся к тому времени этногруппы «русска рома», то есть обрусевшие цыгане.

Руководителем хора был Иван Трофимович Соколов, а самой известной солисткой – певица Степанида (Стеша) Солдатова. Коллектив нельзя было назвать «домашним оркестром» для избранных. Напротив, хор выступал на балах, в собраниях, на званых вечерах.

Вскоре мода на цыган распространилась из белокаменной на берега Невы, где тамошние вельможи Потемкин и Безбородко обзавелись своими труппами. Как написал Г. Данилевский в романе «Княжна Тараканова», граф Орлов скончался от рака под пение своего хора. Умирая, он так кричал и ругался от боли, что наследники, желая соблюсти благопристойность, приказали музыкантам играть и петь как можно громче. Предчувствуя скорый уход, барин дал своим любимцам вольную. В 1807 году управление хором перешло от Ивана Соколова к его племяннику Илье. В «Записках» С. П. Жихарева находим рассказ о выступлении легендарного хоревода летом 1806 года на гуляниях в Сокольниках: «...*После скачки перед беседкою графа Орлова пели и плясали цыгане... Среди них выделялся полный молодой мужчина в белом кафтане с золотыми позументами... Он как будто и не плясал, а так просто, стоя на месте, пошевеливал плечами, повертывал в руках шляпу, изредка пригикивая и притопывая по временам ногою, а между тем выходит прекрасно: ловко, живо и благородно...*»

Другой скетч о популярном артисте находим на страницах «Северной пчелы»: «...*Хоревод, знаменитый Илья – весь пламя, молния, а не человек. Он запекает, аккомпанирует на гитаре, бьет в такт ногами, приплясывает, дрожит, воспламеняет, эжжет словами и припевами. В нем демон, в нем беснующаяся мелодия... Смотря на него и слушая его, чувствуете, что все нервы в вас трепещут, а в сердце кипит что-то невыразимое*».

Зарисовку про Илюшку-цыгана оставил в 1831 году и А. С. Пушкин:

*Так старьй хрыч, цыган Илья,
Глядит на удаль плясовую
Да чешет голову седую,
Под лад плечами шевеля...*

Пели цыгане русские песни, порой сами их сочиняя. Но пели по-другому, на особый манер, изменяя мелодику, темп, подчас меняя по-своему текст, вставляя в него цыганские слова, отчего песня представляла для слушателей в абсолютно новом свете.

«*Что увлекает в этом пении и пляске – это резкие неожиданные переходы от самого нежного пианиссимо к самому разгульному гвалту, – писал Д. А. Ровинский. – Выйдет, например, знаменитый Илья Соколов на середину с гитарой в руках, мазнет раз-два по струнам, да запоет какая-нибудь Стеша или Саша с такою негою, таким чистым, грудным голосом, – так все жилки переберет в вас. Тихо, едва слышным, томным голосом, замирает она на последней ноте... И вдруг, на ту же ноту, разом обрывается весь табор с гиком, гамом, точно вся стройка над вами рушится...*»

Об одном из последних выступлений легендарного хоревода «Северная пчела» сообщала: «...*Илья Соколов – блистательный остаток веселой старины. Ему теперь 68 лет от*

роду, а он пляшет как 18-летний юноша и своим напевом одушевляет и хор свой, и публику. Он точно знаменитость в своем роде!»

В день смерти Ильи Соколова 30 марта 1848 года московские цыгане объявили траур на Садовой и в Грузинах.

Русская Каталани²

Звездами первой величины соколовского хора были солистки Стеша и Таня, певицы с прекрасными голосами и драматическим талантом.

На протяжении пятидесяти лет русская пресса внимательно следила за выступлениями этой труппы. В ноябре 1838 года «Северная пчела» так откликнулась на выступления цыган в Павловском воксале: «...*Вошел хор цыган. Женщины сели, полукругом, посредине залы... Мужчины стали позади стульев, а в середине полукруга стал, с гитарой в руках, хоревод, известный Илья Осипович! Запели, сперва заунывную песню. Соловьиный голосок прославленной покойным Пушкиным Тани разнесся по зале и зашевелил сердца слушателей. Потом пошли разные песни, заунывные и плясовые... Радость и веселье лились в душу вместе с родными напевами, с удалством русской песни... При лихих напевах, при бурных порывах мелодии это хор вакханок! Глаза горят, лица воспаляются каким-то восторгом... Цыганки поют и действуют, обращаясь одна к другой, будто в споре, в жарком разговоре. Не слыша слов, вы подумаете, что эти женщины совершают какое-то языческое таинство перед идолом».*

Русская мемуаристика полна изъявлений восторга и свидетельств необычайной популярности соколовского хора и особенно цыганки Степаниды: «*В 1817 году ее нарочно ездили слушать в Москву из всех концов России*», – пишет Щербакова, автор уникального труда «Цыганское музыкальное исполнительство и творчество в России».

Стеша стала первой цыганской певицей, вошедшей в историю музыкального быта России в качестве «несравненной» исполнительницы русских народных песен и романсов. В «Записках» Жихарева найдем одно из самых ранних упоминаний о ней. «*Мы ездили слушать ее*, – писал Жихарев о 1805 годе, – *Степанида, что твой соловей, так и разливается*».

Известны строки Пушкина, адресованные княгине З. А. Волконской и посланные ей вместе с поэмой «Цыганы»:

*Певца, плененного тобой,
Не отвергай смиренной дани,
Внемли с улыбкой голос мой,
Как мимоездом Каталани
Цыганке внемлет кочевой...*

Поэт говорит здесь о цыганской певице, чья известность в начале XIX века была поистине легендарной: «*Степанида по справедливости принадлежала к отличным артисткам нашего отечества и всей Европы... Я слышал в Степаниде самую Каталани. Нет! К удивлению, которое возбуждала сия последняя в своих слушателях, Степанида присоединяла выразительность, влагала чувство в каждую мысль, мысль в каждое слово!*»

«*Она родилась в 1787 году в цыганской семье и с юных лет пела в крепостном хоре графа Орлова. Ее первым наставником был Илья Соколов. Необычайная музыкальность и тонкий слух Стешы обращали на себя внимание: могла из целого оркестра показать того, кто сделает малейшую ошибку*»³, – рассказывает Т. Щербакова.

Голос необычайного диапазона поражал красотой тембра, волнующей теплотой звучания. Слушатели называют его «трогательным», «томным», «грудным», «соловьиным», «сердечным».

² Каталани Анджелика (1780–1849) – выдающаяся итальянская певица (сопрано). Обладала от природы совершенными вокальными данными, ее исполнение отличалось виртуозным колоратурным мастерством.

³ Щербакова Т. Цыганское музыкальное исполнительство и творчество в России. М.: Музыка, 1984.

Особую роль в судьбе цыганки сыграла блистательная примадонна итальянской оперы в Петербурге Тереза Маджорлетти. Весною 1803 года она дала несколько концертов в Москве. *«16 лет от роду, она (Стеша. – Прим. ред.) услышала однажды Маджорлетти в концерте, и душа ее как будто пробудилась ото сна: она почувствовала свой талант и – недостатки. К счастью, познакомилась она тогда с одним богатым любителем и знатоком музыки. Он употребил все средства к образованию ее необыкновенных способностей и вкуса»⁴*. Занятия с педагогом итальянской школы помогли Стеше «изобрести собственную пленительную методу» пения. Слушателей озадачивало и восхищало в ее искусстве счастливое сочетание блеска и виртуозной полетности звука с густыми, затененными красками низкого регистра; ясная мысль, одушевленное слово и пламень темперамента артистки поражали и властно увлекали. *«Все это задевало за какую-то звонкую, но редко задеваемую струну»*, – пишет Щербакова.

В 1806 году Степанида выступила со своей концертной группой, куда вошли кроме нее гитарист, скрипач и три хористки. Стеша была одной из первых певиц России, популяризовавших «русские песни», первые романсы Лубянского, Плещеева, Голицына.

Слава о «русском чуде» докатилась до Европы. Вторгшиеся в сентябре 1812 года в Москву французы мечтали услышать на праздничном банкете звонкие голоса красавиц-цыганок. А особенно пение примы соколовского хора Степаниды.

«Говорят, что слава ее известна была и самому Наполеону. По приказанию его Лессепс, бывший губернатором в Москве, рассылал повсюду цыган для отыскания ее, обещал им значительную награду; но цыганка с негодованием отвергла счастье заслужить дань уважения императора французов, и осталась в Ярославле во все время пребывания неприятелей в Москве и талантом своим заставляла на театре забывать на несколько часов несчастье московских жителей», – писал П. П. Свиньин.

Известно, что в годы Отечественной войны «русска рома» не скупилась и щедро жертвовала на нужды армии солидные суммы, а молодые цыгане даже записывались добровольцами в гусарские полки.

Зимой в 1821 году на вечере у П. Свиньина Степанида исполняла прекрасный романс на стихи Жуковского «Дубрава шумит, собираются тучи...».

Никто не смел дышать, и, конечно, у всех стеснилось сердце; у всех также затрепетало оно, когда отчаянным голосом окончила она второй куплет: «Жила и любила, и друга лишилась»...

Между строк этих воспоминаний современника – сочувствие трудной судьбе Степаниды, преданно любившей и пережившей разорение и смерть благодетеля.

Умерла певица в возрасте тридцати пяти лет осенью 1822 года.

«...Все полагали ее богатою, судя по тем подаркам, которые она получала за пение свое, но вышло совсем противное; вышло, что она ничего не имела и даже похоронили ее единоплеменики на общественный счет. Причиною сего была ее великодушная щедрость: она содержала не только всех своих родных, но и более 20 других бедных семейств!» – горько вздыхал в некрологе П. П. Свиньин.

⁴ Там же.

Цыганская примадонна

После ухода Степаниды примадонной хора стала Татьяна Демьянова. Она родилась и выросла в среде московских цыган-музыкантов. С юных лет Танюша со Степанидой, ее дочерью Ольгой, дядей Александром разъезжала по Москве, привычно пробуждаясь среди ночи на громкий стук любителей «цыганской забавы».

Татьяне не был близок виртуозный концертный стиль Степаниды. Ее исполнительская стихия проявлялась в бытовой песне.

В январе 1833 года П. В. Киреевский писал Н. М. Языкову: «...Я наконец первый раз слышал тот хор цыган, в котором примадонствует Татьяна Демьянова, и признаюсь, что мало слышал подобного! Едва ли есть русский, который бы мог равнодушно их слышать. Есть что-то такое в их пении, что иностранцу должно быть непонятно и потому не понравится...»

Известно также, что Анжелика Каталани, посетив Москву в 1830 году, слушала хор Соколова и одарила Таню шалью, которую некогда получила в награду за пение от папы римского.

Таня Демьянова. 1870-е

Что пела цыганка Таня?

«Романсов в то время почти вовсе не пели цыгане, – утверждает Мещерский, – первый романс, который в тридцатых годах наделал много шума, был романс А. А. Алябьева “Соловей”, исполнявшийся знаменитой цыганкой Танюшею». О том же говорила и сама певица: «Романсов мы тогда не пели, все больше русские песни народные... Однако, когда я уже петь стала, были в моде сочиненные романсы».

Именно за романсами в исполнении кареюкой чаровницы приезжал в Москву, к цыганам, Александр Сергеевич Пушкин.

Пушкин и цыгане

Многие русские классики были страстными цыганоманами, но, пожалуй, больше других был связан с кочевым племенем А. С. Пушкин. Еще в Лицее юный поэт начинал писать роман «Цыган» – текст его, к сожалению, не сохранился.

Оказавшись весной 1821 года в Кишиневе, Александр Сергеевич неоднократно отправлялся кутить в табор, а однажды провел там две недели кряду. Именно в Молдавии он начинает работу над прославившей его поэмой «Цыганы», фрагменты из которой еще при жизни поэта превратились в популярные романы.

В Москве Александр Сергеевич даже стал крестным отцом внучки упомянутой выше цыганской певицы Стеши – по мнению большинства пушкиноведов, это единственный известный случай его крестного отцовства. *«Он был своим человеком, любимым гостем, кумом и сватом у московских цыган в Грузинах, где и до сих пор цыганские хоры имеют постоянное пристанище»*, – пишет А. И. Куприн в очерке «Фараоново племя».

«Новый год встретил я с цыганами, – признается Пушкин князю Вяземскому в письме от 2 января 1831 года, – и с Танюшей, настоящей Татьяной-пьяной. Она пела песню, в таборе сложенную, на голос: “Приехали сани”... Знаешь ли ты эту песню?»

Впервые увидев африканские черты поэта, молоденькая певица Таня Демьянова тихо произнесла подругам по-цыгански: «Смотри, смотри, как нехорош, точно леший!» Но Александр Сергеевич понял, что речь о нем, потребовал перевода. Гостю объяснили смысл фразы, и он несколько не обиделся, а позднее говорил приятелю: «Они сказали мне, что я похож на обезьяну. Но представь: они знают наизусть моих “Цыган”. Я был доволен, уверяю тебя».

Известно, что на людях Александр Сергеевич плакал лишь трижды. В третий и последний раз – в 1831 году, накануне свадьбы, после исполнения песни Таней Демьяновой.

Цыганская певица умерла в преклонном возрасте, надолго пережив гения.

Известный публицист того времени Б. М. Маркевич сохранил для нас воспоминания певицы о встречах с поэтом.

...И стал он <...> часто к нам ездить, один даже частенько ездил и как ему вздумается, вечером, а то утром приедет. И всё мною одной занимается, петь заставит, а то просто так болтать начнет, и помирает он, хохочет, по-цыгански учится... Тут узнала я, что он жениться собирается на красавице, сказывали, на Гончаровой. Ну и хорошо, подумала, господин он добрый, ласковый, дай ему Бог совет да любовь! И не чаяла я его до свадьбы видеть, потому, говорили, все он у невесты сидит, очень в нее влюблен. Только раз, вечером, – аккурат два дня до свадьбы оставалось, – зашла я к Нащокину с Ольгой. Не успели мы и поздороваться, как под крыльцо сани подкатили и в сени вошел Пушкин. Увидел меня из сеней и кричит: «Ах, радость моя, как я рад тебе, здорово, моя бесценная!» – поцеловал меня в щеку и уселся на софу. Сел и задумался, да так, будто тяжело, голову на руку опер, глядит на меня: «Спой мне, – говорит, – Таня, что-нибудь на счастье; слышала, может быть, я женюсь?» – «Как не слышать, – говорю, – дай вам Бог, Александр Сергеевич!» – «Ну, спой мне, спой!» – «Давай, говорю, Оля, гитару, споем барину!...» Она принесла гитару, стала я подбирать, да и думаю, что мне спеть... Только на сердце у меня у самой невесело было в ту пору; потому у меня был свой предмет, – женатый был он человек, и жена увезла его от меня, в деревне заставила на всю зиму с собой жить, – и очень тосковала я от того. И, думаячи

об этом, запела я Пушкину песню, – она хоть и подблюдною считается, а только не годится было мне ее теперича петь, потому она будто, сказывают, не к добру:

– Ах, матушка, что так в поле пыльно?

Государья, что так пыльно?

– Кони разыгралися... А чьи-то кони, чьи-то кони?

– Кони Александр Сергеевича...

Пою я эту песню, а самой-то грустнехонько, чувствую и голосом то же передаю, и уж как быть, не знаю, глаз от струн не подыму... Как вдруг, слышу, громко зарыдал Пушкин. Подняла я глаза, а он рукой за голову схватился, как ребеночек плачет... Кинулся к нему Павел Войнович (друг поэта П. В. Нащокин. – М. К.): «Что с тобой, что с тобой, Пушкин?» – «Ах, говорит, – эта ее песня всю мне внутрь перевернула, она мне не радость, а большую потерю предвещает!..» И недолго он после того оставался тут, уехал, ни с кем не простился...

«В табор! К цыганам! Гони!..»

Новый, XIX век ознаменовался повальной цыганоманией среди просвещенной публики. *«...Во дворцах аристократов, в усадьбах помещиков, домах потомственных дворян распевали цыганские романсы, песни. Одеваясь под цыган, учились плясать как цыгане, играть на гитаре. Семиструнная гитара стала любимым инструментом почти в каждой семье... После 1812 года в Москве вошли в моду парадные обеды в трактирах, на которые обязательно приглашался хор цыган, – рассказывает патриарх цыганской культуры И. И. Ром-Лебедев. – Это было очень красивое зрелище: цыганки приходили празднично одетые, в расшитых золотом шальях, пристегнутых к одному плечу, в монистах и серьгах из мелких золотых монет. И плясали и пели с огромным воодушевлением».*

В конце XVIII века в «Сборнике русских простых песен с нотами» Трутовского, дополненном Львовым и Иваном Прачем, помимо русских народных песен впервые в отдельный раздел были вынесены песни цыганские.

Какие песни звучали в первом московском цыганском хоре? Все те же русские «Во поле береза стояла», «Ах вы, сени, мои сени», «Из-под дуба, из-под вяза» и т. п. Авторы сборника писали: *«Песни сии, также русскими сочиненные, переменили название свое и образ своего напева по причине употребления их нашими цыганами, которые придают им пением своим такой живой наряд, в котором они весьма отличны от русских и для скорой пантомимной пляски стали несравненно оных удобнее, будучи и для голоса лучше многих простонародных. В них более прочих мелодии, более веселости...»*

Тройка у ресторана «Эльдорадо» в Москве

К 1820-м годам открываются первые трактиры и рестораны, где вечерами чаруют слух гостей плачем скрипки и услаждают взор жаркой пляской.

Обладатели первейших в империи фамилий любят на борзой тройке умчаться ночью в табор⁵, где богатым гостям всегда рады и готовы петь и плясать с ними хоть до рассвета.

*Когда в Москве первопрестольной
С тобой сойдемся мы вдвоем,
Уж знаю я, куда невольно
Умчит нас тройка вечерком...*

Так со знанием дела написал Алексей Николаевич Апухтин в 1873 году в посвященном А. И. Гончарову стихотворении «О цыганах».

Наследники миллионных состояний кидали под ноги Шешам и Грушенькам пачки ассигнаций. Смуглянки, сверкая агатовыми очами, угощали прибывших шампанским. За каждый бокал, каждую песню и каждый танец полагалось платить отдельно.

В зарисовках сцен купеческого быта писателя Горбунова находим выразительные строчки о лихом кутеже:

Хор цыган во время ярмарки в Харькове. Гравюра Л. Серякова. 1871

Вот она, жизнь-то моя! Капиталу много, а тоски и еще больше!

*Спрятался месяц за тучки,
Больше не хочет гулять.*

Кабы в этом разе цыганов не было – помирать бы пришлось. Фараоны в линию! Конокрады по местам!

⁵ Выходец из старинного рода И. И. Ром-Лебедев поясняет в своей книге: «Наш дом в Петровском парке в Москве был цыганским домом, подобно петербургским домам на Черной речке. В них жили семьи хороших цыган и знаменитых дирижеров Н. И. Шишкина, Н. Д. Дулькевича... В прежние времена такие дома назывались “табором”...»

...Как чумовой бросился в Грузины, да две недели без просыпу там и орудовал. От коньяку шею свело!.. Два протокола составили! В тюрьме сидел за безобразиие! В сером пальто ходил! Одно только таперича и осталось: фараоны в линию! Конокрады по местам!

*Спрятался месяц за тучки,
Больше не хочет гулять...*

А вот еще одна яркая картинка угарного веселья, обнаруженная мною на страницах популярного дореволюционного журнала «Столица и усадьба» за подписью некоего Дон-Жуира:

В глубокой тарелке принесли водку, подали бокалы, и наша дама приступила к мистерии. Высыпав золото в тарелку, она стала вынимать по монете и бросать в бокалы, которые тут же наполнялись вином. Когда все было окончено и пятьдесят бокалов были полны, цыгане должны были пить. Кто выпивал сразу, брал золотой, кто не допивал – не получал его и должен был начать сначала. Эта игра продолжалась несколько часов...А цыганка пела с непередаваемым надломом:

*Расставаясь, она говорила:
Не забудь ты меня на чужбине.
Одного лишь тебя я любила
И любовь сберегла, как святыню...*

И слезы блестели на глазах, и их не было стыдно. Цыгане, вино, бессонная ночь, – но эти слезы были святою данью чистому искусству, и после этой минутной дани такому настроению бурным вихрем влетал оргиастический мотив —

*Живо, живее,
Целуй меня скорее...*

И комната тонула в бешеной пляске, где все и пили, и плясали. Три дня мы не уезжали от цыган...

Из газеты «Утро России» от 10 июля 1910 года:

«В Петербурге много говорят о необычном случае похищения из одного из известных увеселительных заведений 17-летней очень красивой цыганки Вари Д., за которой одновременно ухаживали двое молодых людей высшего петербургского общества. На днях, когда цыгане целым табором под утро возвращались из сада домой, на одной из улиц красавица-цыганка вдруг упала в обморок. Неожиданно тут же появился автомобиль, шофер которого предложил отвезти ее домой. Лишь только цыганку уложили в автомобиль, как шофер дал полный ход и быстро скрылся из вида. Говорят обморок был симулирован, а шофером был один из молодых людей. В течение двух дней поиски цыганки не дали никаких результатов. Сегодня вечером второй претендент В. выехал вслед за бежавшими за границу».

Просадить состояние на цыган, по словам Льва Толстого, считалось особым шиком. Лев Николаевич даже придумал особое слово для обозначения поголовного увлечения искусством цыган – «цыганерство». По молодости лет он и сам частенько наведывался в табор, а двое его близких родственников – брат Сергей Николаевич и дядя Федор Толстой-Американец, знаменитый авантюрист, картежник и бретер, – взяли в жены цыганских певиц. Женились на цыганках поэт Афанасий Фет, князя Витгенштейн и Массальский, уральский миллионер Нечаев...

Певица Зинаида Хлебникова

Но просто так сосватать цыганку было невозможно. В хорах царила железная дисциплина и культивировалась строгая нравственная атмосфера. Вступить в законный брак было возможно, только заплатив главе семьи огромный выкуп в 50 000 рублей (в то время как, например, крепостной крестьянин стоил 150).

Игра стоила свеч. Цыганские жены были не только красивы и ласковы, но верны и преданы своим супругам в любых ситуациях.

В канун свадьбы Толстой-Американец проиграл в карты 60 000 рублей. Его невеста певица Авдотья Тугаева для выплаты долга, не раздумывая, продала бриллианты, которые он же ей раньше и подарил.

В путевых заметках о России Теофиль Готье свидетельствовал:

Цыганки воздержанны <...> и целомудренны... Их добродетель славится в России. Никакой соблазн не приводит к желанному исходу, и молодые и старые господа растрчивали на цыганок баснословные деньги, нисколько не приближаясь к цели. Однако в их поведении нет ничего дикого и непримиримого. Цыганку можно взять за руку, за талию, иногда она возвращает похищенный у нее поцелуй. Если для всех недостает стульев, она фамильярно садится вам на колени и, когда начинается пение, кладет вам свою сигарету в зубы, а затем забирает ее обратно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.